

9(430)
К 52

Ранній німецький гуманізмъ

14032 бч

и

ПРОСВѢЩЕНИЕ ВЪ ГЕРМАНИИ

въ XV в.

ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИСТОРИИ И ВОСПИТАТЕЛЯ

В. П. Кляина.

РѢЧЬ,

произнесенная на торжественномъ актѣ Коллегіи 1 окт. 1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія И. И. Чоколова. Мало-Житомирская ул., д. № 4-й
1895.

Мануфактурнагъ Института
Государственныи Статистическыи
официалнии

37(09)
К 52

Ранній нѣмецкій гуманізмъ

и

ПРОСВѢЩЕНИЕ ВЪ ГЕРМАНИИ

въ XV в.

ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИСТОРИИ И ВОСПИТАТЕЛЯ

В. П. Клягина.

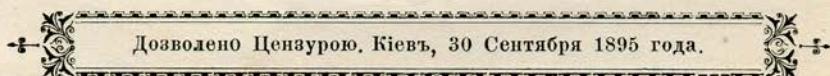
РѢЧЬ,

произнесенная на торжественномъ актѣ Коллегіи 1 окт. 1895 г.

№ 200017987

8 8182428-2z z

Мм. Гг.!

При изучениі великихъ историческихъ эпохъ, выдающихихъ общественныхъ движенийъ, давно уже подмѣчено было историками, что этимъ общественнымъ движениямъ, будуть-ли онѣ религіознаго, политического или соціального характера, обыкновенно предшествуютъ сильныя умственныя движения, центромъ тяжести которыхъ бываютъ по большей части вопросы, наиболѣе волнующіе общество: такъ было на исходѣ Среднихъ Вѣковъ предъ эпохой такъ назыв. Возрожденія наукъ и искусствъ, при чёмъ самое Возрожденіе предшествовало первую открытій и изобрѣтеній, такъ было предъ Реформаціей, такъ было предъ великой французской Революціей.

Предметомъ нашего чтенія будетъ умственное движение, возникшее въ Германіи наканунѣ Реформаціи, но въ этомъ сложномъ и обширномъ историческомъ явленіи мы коснемся лишь той стадіи его развитія, которая обыкновенно рассматривается въ историческихъ руководствахъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, которая на первый взглядъ не представляется такой грандіозности, такого величія, какъ позднѣйшій фазисъ этого умственного движения. Въ туманистическомъ движениі Германіи, предшествующемъ Реформації, въ этой шумной борьбѣ гуманистовъ съ схоластиками, представителей новаго направлениія мысли съ защитниками старого, отживающаго, имена Рейхлина, Эразма Ротердамскаго, Ульриха ф. Гуттена заслоняютъ имена и дѣятельность ихъ предшественниковъ; кажется на первый взглядъ, что эти предшественники съ мало известными именами были лишь скромными подготовителями позднѣйшаго бурного движениія съ ихъ знаменитыми вождями и борцами; эти предшественники еще не отрѣшились отъ старыхъ традицій, поддерживаемыхъ католической церковью, и потому ихъ роль

кажется на первый взглядъ не совсѣмъ ясной, недостаточно характерной, а потому и не возбуждающей такого живаго вниманія и интереса. Между тѣмъ при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этой болѣе ранней стадіи нѣмецкаго гуманистического движения (съ половины XV до начала XVI в.) при изученіи произведеній этихъ на рубежѣ двухъ эпохъ, двухъ міровоззрѣній, стоящихъ дѣятелей мы будемъ удивлены широтой воззрѣній, проводившихся нѣкоторыми изъ этихъ дѣятелей, мы увидимъ, что ихъ міросозерцаніе было нерѣдко глубже, а нравственныя идеи чище, гуманиѣ, чѣмъ у многихъ представителей позднѣйшаго гуманизма, мы увидимъ, что они нерѣдко поднимали вопросы болѣе существенные и важные для Германіи, чѣмъ тѣ, которыми интересовались позднѣйшіе гуманисты; изъ этихъ послѣднихъ развѣ лишь Ульрихъ ф. Гуттентъ превосходитъ ихъ величиемъ своихъ идей и разнообразіемъ выдвинутыхъ вопросовъ. Въ то же время образованіе и просвѣщеніе Германіи подъ влияніемъ ихъ неутомимой, многообразной дѣятельности приняло новый духъ и направленіе, ставъ на необыкновенную сравнительно высоту.

Гуманистическое движение въ Германіи, какъ и въ другихъ западно-европейскихъ обществахъ, находится въ связи съ итальянскимъ движениемъ, но здѣсь оно приняло свой особый характеръ, свою особую окраску, сообразно съ мѣстными условіями предшествующаго культурнаго развитія Германіи. Оно приняло здѣсь болѣе практическій характеръ: новое образованіе, новое направленіе мысли начало здѣсь постепенно сливатись вначалѣ съ религіозной оппозиціей противъ невыносимаго гнета старо-католическихъ традицій, а затѣмъ и съ оппозиціей политической въ періодъ обостренія антагонизма между княжеской и императорской властью. Если мы бросимъ общий взглядъ на гуманистическое движение въ Германіи съ того времени какъ оно приняло здѣсь свою болѣе или менѣе определенную физиognомію, т. е. съ половины XV в. и до начала XVI, т. е. до времени оппозиціонной дѣятельности Лютера, то мы замѣтимъ, что по внутреннему своему характеру и развитію оно можетъ быть раздѣлено на 2 періода, незамѣтно переходящіе одинъ въ другой: періодъ до открытой борьбы схо-

ластиковъ съ гуманистами (т. е. до т. наз. Рейхлиновскаго спора въ 1511 г.) и періодъ сравнительно меньшій, отъ этой открытой борьбы до начала самой Реформаціи, когда гуманистическое движение было поглощено болѣе могучимъ религіозно-политическимъ, во главѣ котораго сталъ Лютеръ. Въ связи съ тѣмъ или другимъ характеромъ гуманистического движения въ Германіи и самое просвѣщеніе и образованіе носятъ отпечатокъ вліянія и воздействиія на него дѣятелей той или другой стадіи нѣмецкаго гуманизма.

Еще задолго до прямого воздействиія итальянскаго гуманизма на нѣмецкое просвѣщеніе и образованіе, именно, къ концу XIV в., въ Германіи по Рейну въ областяхъ прилегающихъ къ Нидерландамъ, появляются школы, гдѣ изученію классическихъ писателей отводится видное мѣсто: это—школы, создающіяся по образцу знаменитой Девентерской школы въ Голландіи, основателемъ которой былъ Гергардъ де Гротъ, мистикъ, организовавшій особое благочестивое общество подъ названіемъ „братьевъ общей жизни“ (*fratres vitae communis*). Это была община, задуманная на началахъ древнихъ христіанскихъ общинъ, съ допущеніемъ въ нее лицъ всѣхъ возрастовъ и званій, съ обязательностью для всѣхъ труда, общностью имуществъ, общимъ столомъ, одеждой и проч. „Братья“ вели монашескій образъ жизни, но безъ обязательныхъ аскетическихъ обѣтовъ, обращая преимущественное вниманіе на переписку книгъ и воспитаніе юношества. Воспитаніе должно было развиваться въ религіозномъ духѣ на началахъ ортодоксального католицизма, хотя „братья“ при случаѣ указывали и возставали противъ злоротребленій католической церкви. Въ виду признаннаго правовѣрія „братьевъ“ папы и соборы не стѣсняли ихъ дѣятельности въ педагогической сфере, а нерѣдко имъ и покровительствовали. Въ школахъ, основанныхъ „братьями“, классики изучались не во имя интереса къ ихъ произведеніямъ самимъ по себѣ, а ради религіозно-нравственныхъ цѣлей, для подготовки, главнымъ образомъ болѣе просвѣщенныхъ и болѣе образованныхъ служителей церкви, тѣмъ не менѣе они изучались съ большей основательностью и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это было гдѣ-либо раньшѣ. Изъ Нидерлан-

довъ дѣятельность братьевъ общей жизни начала распространяться по всему Рейну, доходя на югъ до областей Швабіи, а съ востока, отъ Камбрэ (на границѣ Франціи съ Бельгіею) черезъ всю Германію до г. Кульма въ западной Пруссіи. Братскія школы скоро пріобрѣли большую популярность въ Германіи. Отовсюду юношество стекалось въ эти школы, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ количество учащихся доходило до 1000 ч. и свыше, а *alma mater* всѣхъ этихъ школъ въ Девентерѣ въ 1500 г. имѣла до 2200 питомцевъ. Цифры, весьма почтенные для того времени! Образованіе въ школахъ было бесплатно и открыто для всѣхъ. Братья оказывали всевозможное содѣйствіе и тѣмъ платнымъ школамъ въ городахъ, которыя учреждались безъ ихъ непосредственного участія: они поставляли учителей для этихъ городскихъ школъ, вносили плату за обученіе за бѣднѣйшихъ учениковъ, снабжали ихъ книгами, учебными пособіями и проч. Особеннаго процвѣтанія достигли школы въ Вестфаліи, и выходцы изъ Вестфаліи и Вестфальскихъ школъ особенно ревностно трудились надъ дѣломъ наслажденія образованія въ Германіи, вызывая похвалу и удивленіе у выдающихся дѣятелей литературы и науки въ Германіи. Необыкновенной популярностью пользовалась Мюнстерская школа, выдвинутая стараніемъ и усердіемъ образованного въ Девентерѣ Рудольфа ф. Лангена „перваго изящнаго латинскаго писателя Германіи“ (*der erste geschmackvolle lateinische Dichter Deutschlands*) *). При помощи нѣсколькихъ членовъ соборнаго капитула Лангенъ довелъ Мюнстерскую школу до такого цвѣтущаго положенія, что въ нее стекались учащіеся изъ Вестфаліи, Нидерландовъ, Рейнскихъ областей и даже изъ Саксоніи и Помераніи, а для сѣверо - западной Германіи она скоро пріобрѣла громадное культурно-просвѣтильное значеніе. Она была питомникомъ для образованныхъ даровитыхъ учителей, распространявшихъ свою просвѣтильную дѣятельность во многихъ городахъ Вестфаліи и по Рейну, а на сѣверѣ ихъ вліяніе доходитъ до гг. Гослара, Ростока, Любека, Грейфсвальда и Копенгагена. Особеннаго про-

* Janssen, Gesch. d. deutsch. Volkes, I, p. 72.

звѣтанія достигаетъ Мюнстерская школа, когда соректоромъ Лангена явился выдающійся писатель и педагогъ того времени Іоаннъ Мурмеллій, многочисленные учебники котораго пользовались популярностью въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Основы воспитанія въ Мюнстерской школѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, была религіозно-нравственная. Мурмеллій свое педагогическое *credo* формулировалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Конечная цѣль ученія не можетъ быть другой, какъ познаніе и почитаніе Бога. Одни только тѣ дѣйствительно мудры, которые прилежатъ къ наукамъ какъ для того, чтобы самимъ хорошо жить, такъ и другихъ побуждать путемъ ученія къ справедливости и благочестію. Ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ быть ученымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дурнымъ человѣкомъ“.

Школы, подобныя Мюнстерской, находились между собой въ самомъ близкомъ дружескомъ общеніи. Учителя Мюнстерской школы посѣщали вблизи находящуюся школу въ Эммерихѣ, изъ Эммериха посыпались въсосѣдніе города Ксантенъ и Везель. Такимъ обр., всѣ эти школы являлись какъ-бы отдельніями одной и той же общей школы, проникнутой однимъ и тѣмъ же духомъ и направленіемъ. Какова была программа преподаванія и какой распорядокъ ученія, мы можемъ видѣть отчасти изъ показаній самихъ учившихся въ этихъ школахъ. Такъ швейцарецъ Генрихъ Буллингеръ, посѣщавшій школу въ Эммерихѣ, сообщаетъ, что послѣ предварительного знакомства съ грамматикой латинскаго языка читались избранныя письма Цицерона, Плинія, затѣмъ отрывки изъ Вирgilія и Горация, наконецъ письма блаж. Иеронима и другихъ отцевъ церкви. Каждую недѣлю должны были приготовить по одному письму. Коллоквіи велись обыкновенно на латинскомъ языкѣ. На дисциплину обращалось особенное вниманіе, точно также и на религіозное воспитаніе. Въ Ксантенской школѣ кромѣ древнихъ классическихъ языковъ преподавался и еврейскій. Какъ быстро подвигалось изученіе классиковъ доказываетъ то, что ученикъ одинадцати—12-ти лѣтъ уже читаль Энеиду Вирgilія и рѣчи Цицерона. Іоаннъ Эккъ, знаменитый впослѣдствии богословъ, занимаясь въ школѣ и на дому своего дяди,

простого священника, съ 8 до 12 лѣтъ проштудировалъ: Эзоповы басни, сочиненіе Сенеки „о добродѣтеляхъ“, два сочиненія Боэція, одно изъ сочиненій Теренція и первые шесть книгъ Энейды. Познакомившись затѣмъ со многими другими произведеніями по философіи, патристикѣ, а также и юриспруденціи, Эккъ на 13-мъ году жизни поступилъ въ Гейдельбергскій Университетъ, а на 15-мъ году получилъ степень въ Тюбингенѣ магистра богословія. Математикъ и астрономъ Іоаннъ Мюллеръ изъ Кенигсберга былъ принятъ въ Лейпцигскій Университетъ на 12 году а въ 16 лѣтъ получилъ степень бакалавра въ Вѣнѣ. Іоаннъ Дальбергъ, знатокъ классическихъ древностей, былъ зачисленъ въ Эрфуртскій Университетъ 11 лѣтъ, а въ 15 году уже получилъ степень бакалавра свободныхъ искусствъ. Другой знатокъ классиковъ Списгаймеръ въ 18-лѣтнемъ возрастѣ читалъ въ Вѣнскомъ Университетѣ и интерпретировалъ Виргилія, Горація, Лукана, Салостія и Цицерона, черезъ три года былъ преподавателемъ философіи, краснорѣчія и свободныхъ искусствъ, а на 27 году былъ избранъ ректоромъ Вѣнскаго Университета.

Нельзя сказать, чтобы успѣшность занятій въ то время обусловливалась однимъ рвеніемъ и прилежаніемъ: въ то время въ школахъ царила строжайшая принудительная система; розги и палка были въ полномъ ходу; самые высокопоставленные питомцы подвергались тѣлесному наказанію; такъ, между прочимъ, императоръ Максимилианъ подвергался такому наказанію со стороны своего учителя (*Saepius atrociter verberatus eb eo*“ (т. е. *praeceptor*). Одинъ современникъ Іоаннъ Бутцбахъ сообщаетъ, что учитель почти никогда не выпускалъ палки изъ своихъ рукъ, онъ даже не покидалъ ее на парадныхъ выходахъ со своими учениками; въ то время, по его замѣчанію, *„sub virga degere“* значило то же, что *in scolis degere“*. На розгу смотрѣли въ то время какъ на необходимый и почетный атрибутъ школьнаго ученія. Во многихъ мѣстахъ былъ въ ходу т. наз. *Ruthenzug* или *Virgatum-Gehn*, состоявшій въ томъ, что школьная молодость, предводительствуемая своимъ учителемъ, отправлялась за городъ въсосѣдній лѣсъ для заготовки розогъ на предстоящій учебный годъ. Здѣсь школьники сами срѣзывали эти

розги, украшали ихъ вѣнками и затѣмъ, весело проведя день въ играхъ и гимнастическихъ упражненіяхъ, къ вечеру съ пѣснями возвращались въ городъ. Въ одной сохранившейся отъ того времени школьной пѣснѣ сами школьники называютъ розгу венцомъ полезной для себя. Въ заключительныхъ стихахъ пѣсни они, обращаясь къ родителямъ и къ Богу, просятъ лишь о томъ, чтобы удары имъ удавалось переносить съ легкимъ мужествомъ. Несмотря, однако на эту суровую дисциплину, на признаніе непоколебимымъ того принципа, что безъ мѣръ принужденія школы существовать не могутъ, въ сочиненіяхъ лучшихъ педагоговъ того времени требуется однако прибѣгать къ мѣрамъ строгости лишь въ крайнихъ случаяхъ. Такъ, въ популярномъ произведеніи знаменитаго педагога того времени Вимфелинга (*Wegweiser fuer die Jugend Deutschlands*) даетъ въ руководство учителямъ, м. проч. такій советъ: „Со всей серьезностью борись съ слабостями своихъ учениковъ, смотри на нихъ какъ на своихъ собственныхъ дѣтей, если ты не будешь съ ними мягокъ и ласковъ, то скоро подвергнешься презрѣнію съ ихъ стороны. Владѣй собой и не давай воли своему гнѣву, никогда не паказывай, находясь въ возбужденномъ состояніи. А если тебѣ придется ударить, никогда не касайся пальцами головы ребенка, не говоря уже о томъ, что никогда не долженъ давать ему пощечинъ. Съ учениками будь твердъ, но никогда не насмѣхайся надъ ними; этимъ ты только убѣшь всякую охоту и любовь къ учению. Только тотъ будетъ хорошимъ учителемъ, кто приноситъ своимъ ученикамъ знаніе и развиваетъ ихъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы они были истинно благочестивы и нравственны“. Эта этическая точка зреянія на дѣло воспитанія и выдвигается на первый планъ у лучшихъ педагоговъ-гуманистовъ того времени; по ихъ мнѣнію силы и способности ребенка не только должны быть развиваемы, но и облагораживаемы. На изученіе древнихъ языковъ они смотрѣли не только какъ на средство литературнаго развитія, но и какъ на средство развитія мышленія „als eine Gymnastik des selbststaendiges Urtheils“, по словамъ Вимфелинга).

Вышеуказанное гуманное отношение къ школьному воспитанию и обучению начинаетъ все больше и больше проникать въ среднія школы по мѣрѣ того, какъ и въ высшихъ разсадникахъ просвѣщенія, въ Университетахъ, пробивается новый духъ и направление. Среднія школы начинаютъ постепенно подчиняться новымъ вѣяніямъ, исходящимъ изъ Университетовъ, гдѣ со второй половины XV в. поднимается глухое броженіе въ пользу новыхъ возврѣній на науку и умственное развитіе.

Время съ 1460 г. по 1510 г. было временемъ высокаго подъема умственной и научной дѣятельности въ нѣмецкихъ Университетахъ, а также въ образовательныхъ учрежденіяхъ и обществахъ, находящихся съ ними въ связи. Кромѣ старыхъ нѣмецкихъ Университетовъ въ Прагѣ, Вѣнѣ, Гейдельбергѣ, Кельнѣ, Эрфуртѣ, Лейпцигѣ и Ростокѣ, въ Германіи за пятидесятилѣtie съ 1456 по 1506 г. было основано 9 новыхъ университетовъ: въ Грайфсвальдѣ, Базелѣ, Фрайбургѣ и др. Всѣ эти университеты, какъ и раниe средневѣковые, основывались, главнымъ образомъ, во имя защиты и поддержанія религіозныхъ интересовъ, во имя защиты и укрѣпленія религіи и ея вѣроученія; ихъ учрежденіе и развитіе проникнуто было церковнымъ духомъ. Университеты и были поэтому высшими авторитетами въ решеніи церковныхъ вопросовъ, на ихъ правовѣріе всегда и разсчитывали представители высшей свѣтской и духовной власти при обсужденіи спорныхъ догматическихъ вопросовъ, вопросовъ о ересяхъ и религіозныхъ нововведеніяхъ. При основаніи Университетовъ свѣтская и духовная власти исходили изъ такихъ возврѣній: въ общемъ распорядкѣ знаній существуютъ двѣ стороны, одна, естественная, обогащающая умъ разнообразными познаніями, другая, сверхъестественная, обнимающая всѣ истины откровенія, и обѣ эти стороны должны быть предметомъ попеченія въ высшихъ школахъ. Подобно тому какъ церковь проникнута живительнымъ единствомъ и охватываетъ всю жизнь человѣка, точно также и знанія и науки должны быть направлены къ центральному пункту въ нашей духовной жизни, къ богопознанію, какъ источнику всякихъ знаній, поэтому служители науки не должны смотрѣть

на нее, какъ не цѣль саму по себѣ, а какъ на слугу и помощницу вѣры и религіи, гдѣ же господствуетъ гордость и самомнѣніе, тамъ нѣтъ науки. Въ подобномъ духѣ и направлениіи мотивировалось учрежденіе Университетовъ въ той или другой области тѣмъ или другимъ представителемъ свѣтской или духовной власти. Этимъ воззрѣніемъ на роль и значеніе Университетовъ объясняется, между проч., и то, что въ числѣ поступающихъ въ Университетъ было много лицъ духовнаго сословія, занимающихъ не только ииѣшіе священническіе мѣста, но и высшіе. Такъ, напр., въ первый годъ открытия Фрейбургскаго Университета поступило туда 234 духовныхъ лица. Согласно съ общимъ строемъ и духомъ средневѣковой жизни Университеты составляли свои независимыя корпораціи, самоуправляющіяся, съ собственнымъ своимъ судомъ и корпоративными постановленіями; они были освобождены отъ всякихъ пошлинъ и податей и надѣлены разными преимуществами и привилегіями; для поступленія возрастъ не принимался во вниманіе; въ числѣ студентовъ находились многие въ преклонномъ возрастѣ, занимавшиѣ уже извѣстное положеніе въ обществѣ: такъ, поступали многие аббаты, каноники, владѣтельныя князья, принцы и др.; происхожденіе и сословность тоже не принимались во вниманіе, точно также какъ и національность; съ половины XV в., при возникновеніи живаго общенія между Германіей и Италіей, нѣмецкіе профессора подвизались въ итальянскихъ университетахъ, итальянскіе приглашались въ нѣмецкіе. Количество слушателей въ нѣкоторыхъ Университетахъ, напр. въ Кельнскомъ, къ концу XV в. доходило до 2000 чел., при чёмъ количество имѣвшихъ высшую ученую степень преподавателей переходило за сотню человѣкъ, а въ Вѣнскомъ Университетѣ, напр., на одномъ философскомъ факультетѣ было 105 докторовъ. Наибольшаго процвѣтанія къ концу XV в. достигаютъ Университеты въ прирейнскихъ областяхъ, гдѣ они находятся въ тѣсной связи стѣми средними школами, о которыхъ мы говорили, и существованіе которыхъ зависѣло отъ дѣятельности братьевъ общей жизни. По количеству слушателей изъ Рейнскихъ Университе-

товъ выдѣлялся Кельнскій, и здѣсь процвѣтало преподаваніе и развитіе богословскихъ наукъ, что и понятно, такъ какъ Кельнъ былъ нѣмецкимъ Римомъ по массѣ всякихъ религіозныхъ учрежденій, храмовъ, монастырей и проч.; но за то здѣсь и господствовала старосхоластическая система преподаванія, и лишь къ концу XV в. въ этомъ консервативнѣйшемъ изъ нѣмецкихъ Университетовъ пробивается, хотя и не надолго, довольно замѣтная струя гуманистического изученія и преподаванія благодаря вліянію Эразма Ротердамскаго. Гораздо большее значенія имѣлъ для гла гуманистического движенія Гейдельбергскій Университетъ: здѣсь подвизался нѣкоторое время въ качествѣ преподавателя еврейскаго языка знаменитый Рейхлинъ, здѣсь организовался особый литературный кружокъ для занятій классической древностью, для живаго обмѣна мыслей по вопросамъ литературы и науки и науки; къ этому кружку принадлежали и выдающіеся изъ раннихъ гуманистовъ, Агрикола, Вимфелингъ и др. Такъ какъ новое направленіе мысли въ нѣмецкихъ Университетахъ находилось въ тѣсной связи и зависимости отъ дѣятелей, воспитанныхъ въ гуманистическомъ духѣ, то мы и будемъ разсматривать умственное движеніе въ этихъ Университетахъ въ связи съ ролью и дѣятельностью тѣхъ лицъ, которые оказывали вліяніе на это движеніе, имѣя въ виду здѣсь, главнымъ образомъ, представителей ранняго нѣмецкаго гуманизма. Большинство изъ нихъ среднее образованіе получило въ тѣхъ школахъ, о которыхъ мы уже говорили, при чёмъ нѣкоторые изъ нихъ и въ дальнѣйшей своей дѣятельности не прерывали своихъ связей съ воспитавшими ихъ учрежденіями.

Остановимся прежде всего на одномъ изъ типичнѣйшихъ представителей ранняго нѣмецкаго гуманизма, такъ сказать, его родоначальникѣ знаменитому Рудольфу Агриколѣ, являющемуся для Германіи до нѣкоторой степени тѣмъ же, чѣмъ былъ Петрапарка для Италии. Агрикола стоялъ на высотѣ самого широкаго классического образования, которое было возможно въ то время: нѣкоторые называли его вторымъ Виргилемъ, и даже въ Италии, где онъ занимался классицизмомъ 7 лѣтъ (отъ 1473—

1480 гг.), удивлялись его необыкновеннымъ способностямъ къ усвоенію древнихъ языковъ и умѣнью проникать въ самый духъ и направлениѣ классическихъ писателей. Но Агрикола, не ставя себѣ этого въ особенную заслугу, вѣриль, что и Германія можетъ достигнуть такого же образованія и учености, такъ что, по его словамъ, и самый Лациумъ не превзойдетъ ее въ усвоеніи латинской образованности. Агрикола хотѣлъ даже популяризировать классическихъ писателей въ народѣ путемъ переводовъ съ комментаріями, при чемъ вѣриль, что изученіе древнихъ языковъ подвинетъ впередъ научную разработку и родного языка. Къ Петраркѣ Агрикола питалъ глубокое уваженіе: онъ вѣриль, что Петраркѣ не только Италія, а и Германія обязана всѣмъ образованіемъ того времени. Агрикола однако не увлекался древними языками настолько, чтобы игнорировать свою родную литературу; онъ самъ составлялъ пѣсни для народа и пѣлъ ихъ подъ аккомпанементъ арфы. Агрикола знакомъ былъ и съ естествознаніемъ, какое существовало въ то время; ему не чужды были даже знанія и по медицинѣ. Но при всѣхъ своихъ разностороннихъ свѣдѣніяхъ, при всемъ своемъ стремленіи поднять духовныя силы своего народа, Агрикола, какъ сынъ своего времени, въ которое основы всякаго образованія и развитія заключались въ религіозно-нравственномъ міросозерцанії, считалъ всѣ пріобрѣтенные имъ знанія важными, главнымъ образомъ, для выработки этого міросозерцанія, очищенія его отъ всякихъ чуждыхъ примѣсей и наслоеній, суевѣрій и проч. Въ послѣдніе годы своей жизни Агрикола и отдаётся преимущественно теологическимъ занятіямъ и даже изучаетъ еврейскій языкъ, чтобы ознакомиться съ свящ. Писан. въ подлинникѣ. Чистая, безупречная жизнь Агриколы, его высокая честность и человѣколюбіе служатъ лучшимъ доказательствомъ того, насколько гармонично соединялись въ его личности его широко гуманная воззрѣнія съ самимъ образомъ его частной жизни и поведенія.

Въ томъ же духѣ и направлениѣ на почвѣ науки и про свѣщенія подвизался современникъ и ученикъ Агриколы Александръ Гегій (Hegius), известный своей педагогической дѣя-

тельностью и о которомъ его ученикъ и одинъ изъ популярнѣйшихъ писателей того времени (Ioannъ Бутцбахъ) выразилъ съ т. обр.: „какъ блестящее свѣтило сіялъ Гегій своими добродѣтелями среди народа, своими всеобъемлющими знаніями, своими дарованіями среди рати ученыхъ того времени“. Свое предварительное образованіе Гегій получилъ въ той же Девентерской школѣ „братьевъ общей жизни“, изъ какой вышелъ Агрикола и другіе выдающіеся представители ранняго нѣмецкаго гуманизма.

Изъ школы, устроенной по типу Девентерской въ Эльзасскомъ гор. Шледтштадтѣ, названной въ виду своего пропаганды и популярности „Perle des Elsasses“, вышелъ знаменитый „воспитатель Германіи“ (Erzieher Deutschlands) Яковъ Вимфelingъ, одна изъ характернѣйшихъ и выдающихся личностей на исходѣ Сред. Вѣковъ. Не отличаясь такими многосторонними дарованіями, какъ Агрикола и Гегій, Вимфelingъ своей кипучей педагогической и литературной дѣятельностью, своею отзывчивостью на всякое благодѣяніе, привлекаль сердца всѣхъ своихъ сотоварищѣй, обращая общее на себя вниманіе. Вимфelingъ собственно не былъ ученымъ и не задавался исключительно научными цѣлями; это былъ публицистъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и въ то же время превосходнымъ популяризаторомъ новыхъ идей, отдавая свое неутомимое перо насущнымъ вопросамъ времени; благо народа въ томъ или другомъ видѣ, реформа религіозныхъ злоупотребленій, процвѣтаніе и величіе своей родины,—вотъ къ чему сводились импульсы его литературной дѣятельности. „Къ чему всѣ книги, писалъ онъ, ученѣйшія сочиненія, глубокомысленнѣйшія изслѣдованія, если они служатъ лишь тщеславному личному самосозерцанію писателя, а не направлены на общее благо? Подобная сухая, бесполезная, вредная ученость, вытекая изъ тщеславія и себялюбія, приводить лишь высокомѣрю со всѣми нечистыми побужденіями и страстями. А если такія побужденія восторжествуютъ въ душѣ писателя, то вліяніе его произведеній не можетъ быть благотворнымъ. Чѣмъ можетъ помочь намъ какая-бы то ни была ученость, если она не совпадаетъ съ благороднымъ образомъ мыслей, къ чему всѣ наши занятія если нѣть нравственности, наше знаніе, если нѣть любви къ

ближнему, проницательность, если нѣтъ скромности, наше научное усердіе, если нѣть мягкости въ обращеніи (*Urvanitaet*). И лучшимъ средствомъ, чтобы развить всѣ такія гуманнныя качества, Вимфелингъ находитъ воспитаніе, ибо, говорить онъ, путемъ лучшаго воспитанія юношества будутъ достигнуты и всякия дѣйствительныя реформы не только въ церкви, но и въ государствѣ, въ общественной жизни, въ дѣлѣ домашняго и общественнаго благополучія. Исходя изъ такихъ воззрѣній на роль воспитанія, Вимфелингъ и большую часть своихъ трудовъ посвятиль этому дѣлу. Изъ педагогическихъ сочиненій Вимфелинга, расходившихся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, особенно важны два, одно—специально-педагогическое (*Wegweiser fuer die Jugend Deutschlands*), которое можно назвать первымъ наиболѣе пѣлесообразнымъ руководствомъ по педагогикѣ и методикѣ, другое—этико-педагогического характера (*die Jugend*), дающее рядъ новыхъ воззрѣній на все дѣло воспитанія вообще. Кромѣ произведеній педагогическихъ, Вимфелингъ написалъ еще „Очеркъ нѣмецкой исторіи до нашихъ дней“, который также проникнутъ публицистическимъ характеромъ, какъ и педагогическая его сочиненія; стоя на почвѣ націонализма, Вимфелингъ негодуетъ по поводу той анархіи, которая царила въ управлениі Германіи того времени; онъ ѓдко порицааетъ нѣмецкихъ князей за ихъ эгоистическую, корыстолюбивую политику, за ихъ равнодушіе къ интересамъ народа и имперіи, и требуетъ возстановленія этой имперіи на началахъ національнаго объединенія съ усиленіемъ императорской власти для обузданія произвола и анархіи.

Вышеразсмотрѣнная дѣятельность трехъ выдающихся представителей нѣмецкаго просвѣщенія направлена, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы достояніе науки и образованія популяризировать въ народѣ и чтобы путемъ воспитанія юношества внести въ церковный и государственный строй начала гуманности и общественности. Это новое направленіе мысли, эта свѣжая струя, рѣзко отдѣляеть ихъ и отъ тѣхъ представителей схоластической учености, которая, по замѣчанію Вимфелинга, проникнута духомъ узкаго тщеславія и самомнѣнія, и отъ тѣхъ

позднѣйшихъ гуманистовъ итальянскаго пошиба, которые за увлечениями классицизмомъ игнорировали общественные интересы, интересы своего времени и народа.

Благодаря вліянію дѣятелей, подобныхъ Агриколѣ, Гегію и Вимфелингу, и въ нѣмецкихъ Университетахъ развивается умственная жизнь новыхъ началахъ. Какъ мы упоминали, гуманистическое направленіе Гейдельбергскаго Университета въ значительной степени обусловливалось воздействиемъ Агриколы, Вимфелинга, Рейхлина и другихъ. Домъ куратора Гейдельбергскаго Университета Іоанна Дальберга, знатока классической древности, гдѣ собирались гейдельбергскіе гуманисты, напоминаетъ одинъ изъ французскихъ салоновъ XVIII в.: здѣсь происходилъ живой обмѣнъ мыслей по разнымъ отраслямъ знаній; здѣсь переводились и комментировались классики; здѣсь Вимфелингъ сообщалъ о своихъ занятіяхъ нѣмецкой исторіей, здѣсь Рейхлинъ знакомилъ товарищѣ со своими переводами Гомера. Этотъ кружокъ Дальберга не стоялъ въ изолированномъ положеніи; въ живомъ и непосредственномъ съ нимъ общеніи находилось основанное въ Майнцѣ (въ 1491 г.) извѣстныи гуманистомъ Конрадомъ Цельтесомъ Рейнское Литературное Общество; членами этого общества были представители разныхъ ученыхъ профессій и специальностей: теологи, юристы, медики, философы, математики, историки, и не только изъ прирейнскихъ областей, но и изъ всей юго-западной и средней Германіи; членами были, кроме Рейхлина и Вимфелинга, такие, какъ Цазій „князь всѣхъ нѣмецкихъ юристовъ“ (*Fuerst allen deutschen Juristen*), Конрадъ Пейтингеръ изъ Аугсбурга, извѣстный въ то время историкъ, всесторонне образованный Вилибалдъ Пиркгеймеръ и др. Цѣлью этого общества было распространеніе всякоаго рода знаній и искусствъ, развитіе вкуса къ гуманистическимъ занятіямъ, разработка національной исторіи и проч. Живой обмѣнъ мыслей, кипучая литературная дѣятельность этого Рейнского общества вызвали у Вимфелинга такое восторженное замѣчаніе: „въ живомъ взаимномъ общеніи ученыхъ повсюду пробивается новая жизнь, возбуждающей зовъ поднимаетъ спящихъ, какъ курьеры съ бодрящими вѣстями разносятся по всей странѣ письма, которыя мы пишемъ другъ другу“. И эти

письма играли въ то время такую же роль, какую теперь играетъ литературная періодическая пресса.

Въ постоянномъ общеніи съ Гейдельбергскимъ Университетомъ находился знаменитый полигисторъ того вѣка Тритемій (*Tritemius*), обладавшій колоссальными познаніями во всѣхъ отрасляхъ знаній того времени, въ теологии, философіи, правѣ, медицинѣ, математикѣ, астрономіи и проч. Онъ находился въ перепискѣ со всѣми учеными того времени, и всѣ обращались къ нему за совѣтомъ и указаніями по всѣмъ интересующимъ ихъ вопросамъ, считая за особенное удовольствіе получить письмо, написанное его рукой. Особенно извѣстенъ былъ Тритемій своей знаменитой библіотекой, на которую стекались посмотретьъ ученые со всей Германіи. Познанія Тритемія въ естественныхъ наукахъ и медицинѣ были настолько велики, (для того времени, конечно), что простодушные люди считали его какимъ-то волшебникомъ и чародѣемъ, воскрешающимъ мертвыхъ, вызывающимъ духовъ и проч., хотя на самомъ дѣлѣ Тритемій былъ правовѣрный католикомъ и аббатомъ одного монастыря въ Спонгеймѣ. Правда, Тритемій во многомъ былъ схоластикъ, какъ и почти всѣ ученые того времени, но въ его произведеніяхъ нерѣдко пробиваются идеи трезваго, разумнаго отношенія къ природѣ и ея явленіямъ; алхимиковъ онъ, напр., называетъ шутами, обманщиками, врагами природы, астрологами—болтунами, презрѣнными людьми, шарлатанами и проч. Этотъ замѣчательный человѣкъ производилъ еще глубое впечатлѣніе и своими нравственными качествами: „въ его мужественныхъ, выразительныхъ чертахъ лица, писалъ Вимфelingъ, покоилась неотразимая доброта“. Вліяніе Тритемія на юношество было неотразимо; всѣ его ученики отзываются о немъ съ восторженными изліяніями, и самъ Тритемій лучшее удовлетвореніе находилъ въ воздействиіи на умы юношества своими проповѣдями, своими сочиненіями, своимъ живымъ искреннимъ словомъ.

Если мы обратимся теперь къ другому Университету, достигшему также значительного процвѣтанія, къ Фрейбургскому, то здѣсь мы встрѣтимся съ такою личностью, которая стоитъ цѣлаго Университета: это юристъ Ульрихъ Цазій „Fuerst der deutschen Juristen“. Какъ въ области педагогики первен-

200017987

ствующее мѣсто занималъ Вимфелингъ, въ знаніи еврейского языка и литературы Рейхлинъ, такъ Цазій въ области юриспруденціи. При необыкновенной чистотѣ, ясности и изяществѣ стиля своихъ произведеній, Цазій давалъ своимъ читателямъ и слушателямъ богатое внутреннее содержаніе; при трезвомъ, критическомъ отношеніи къ источникамъ и текстамъ права, Цазій стремился стать на самостоятельный путь изслѣдованія, критически относясь къ тѣмъ увлеченіямъ римскимъ правомъ, которое тогда въ Германіи входило въ моду и которымъ такъ злоупотребляли малосвѣдущіе юристы. Цазій особенно замѣчательенъ какъ знатокъ стариннаго нѣмецкаго права, въ которомъ находили тогда грубость и и варварство, но въ которомъ Цазій умѣлъ находить здоровыя, пригодныя для жизни начала; можетъ быть, онъ и увлекался въ этомъ отношеніи, но увлеченіе исходило изъ благороднаго желанія защитить ту темную массу народа, которая страдала отъ злоупотребленій, связанныхъ съ рецензіей римскаго права въ Германіи. И это гуманное отношеніе къ угнетеннымъ и обиженнымъ составляетъ характеристическую черту знаменитаго юриста. Эразмъ Роттердамскій въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ отзывался о нравственномъ обликѣ Цазія: „Цазія: я ничего въ Германіи не видѣлъ чище и благороднѣе его. Это—великій человѣкъ и другого такого же Германія не имѣть, а если онъ одинъ, то и достоинъ безсмертія“.

Общій подъемъ духа въ гуманистическомъ направленіи отражается и на Базельскомъ Университетѣ, гдѣ Іоганнъ Гейнлинъ играетъ такую же роль, какую игралъ Іог. Дальбергъ въ Гейдельбергскомъ. Глубокій знатокъ древне-классической литературы, Гейнлинъ является душой гуманистического кружка, образованнаго имъ въ Базелѣ, кружка, изъ котораго вышли такія знаменитости, какъ Себ. Брандтъ, авторъ извѣстной сатиры *Narrenschiff*, и Гейлеръ ф. Кейзерсберга, замѣчательный богословъ, воспитанный въ гуманистическомъ духѣ и направленіи. Личность Гейлера ф. Кейзерсберга представляеть во многихъ отношеніяхъ явленіе въ высшей степени характерное для того переходнаго къ реформаціонному періоду времени. На складѣ его ума, на его воззрѣніяхъ замѣтнѣе чѣмъ у какого-

либо другого дѣятеля ранняго нѣмецкаго гуманизма отразилась та двойственность, та борьба 2-хъ міровоззрѣній, старого отживающаго схоластического и новаго нарождающагося гуманистического, которая сознательно или безсознательно проглядываетъ въ литературныхъ произведеніяхъ, рѣчахъ, проповѣдяхъ и практической дѣятельности этихъ предшественниковъ настоящаго скептическаго гуманизма. Какъ богословъ, Кейзерсбергъ стоялъ еще на схоластической почвѣ; къ освѣжающимъ и вдохновляющимъ произведеніямъ древней классической литературы онъ совѣтовалъ, по крайней мѣрѣ, начинающимъ адептамъ теологии относиться съ извѣстной осторожностью, но въ то же время самъ онъ во всей своей практической дѣятельности (былъ проповѣдникомъ при Страсбургскомъ соборѣ) проявлялъ тѣ стороны, какія характеризуютъ Агриколу, Вимфелинга, Тритемія и др., т. е. живое активное отношение къ умственнымъ интересамъ своего вререни, желаніе сдѣлать эти интересы общими, всенародными. Это—не тотъ суходой, черствый схоластикъ, напыщенный въ своей учености, котораго такъ ёдко осмѣивалъ Вимфелингъ, нѣть, это—живой дѣятель, человѣкъ, интересовавшійся жизнью окружающаго общества, сокрушавшійся ея уродливостями, желавшій обновленія въ тѣхъ сферахъ общественной жизни, какія нуждались въ этомъ обновленіи, и съ этой стороны ф. Кейзерсбергъ также стоить вдали и даже чуждъ тѣмъ гуманистамъ итальянскаго пошиба, у которыхъ общественные мотивы такъ сравнительно мало были развиты. На исходѣ Ср. В. въ Германіи едавали найдется такая личность, которая пользовалась бы столь вообщимъ уваженіемъ какъ Гейлеръ ф. Кейзерсбергъ: съ необыкновенно живымъ дѣятельнымъ характеромъ, рѣшительнымъ и непреклоннымъ, за что получилъ название гремящей трубы Страсбурга (*die hell tönende Posaune v. Strassburg*) соединяль онъ замѣчательную мягкость и доброту сердца, которая очаровывала всѣхъ его окружающихъ; проникнутый глубокимъ человѣколюбiemъ, Кейзерсбергъ говорилъ: настоящей радостью для человѣка является самъ человѣкъ. Въ его литературныхъ произведеніяхъ и проповѣдяхъ гуманность и человѣколюбіе проглядываютъ на каждомъ шагу. Онъ всегда былъ защитникомъ народныхъ

правъ, возставалъ противъ угнетеній простого народа, противъ неумѣреннаго отягощенія его податями, противъ привилегій и монополій, противъ исключительнаго права охоты, столь подрывавшаго крестьянское хозяйство. Всегда можно было видѣть Гейлера, окруженнаго толпой бѣднаго, обездоленнаго люда, которому онъ старался оказать посильную помощь и поддержку. Защищая угнетенныхъ, Г. ф. Кейзербергъ всегда мужественно порицалъ угнетателей, какъ-бы высоко ни было ихъ положеніе. Такъ, въ одной своей проповѣди Гейлеръ по адресу владѣтельныхъ особъ, угнетающихъ своихъ подданныхъ говорилъ: „О ты, властительный глупецъ (*Gewaltnarr*)! къ чemu ты презираешь своего поддannаго, какъ будто онъ не такъ хороши, какъ ты? Какъ будто бы ты сдѣланъ не изъ того вещества, какъ и онъ? Какъ будто бы ты крещенъ мальвазіей, а онъ простой водой? Неужели тебѣ дань мечъ для того, чтобы умерщвлять своихъ подданныхъ, а не для того, чтобы ихъ защищать и охранять?“ Въ такомъ духѣ нерѣдко произносилъ свои проповѣди Г. ф. Кейзербергъ, и такія проповѣди производили неотразимое впечатлѣніе. Гейлеръ нападалъ также на распущенность монашествующаго духовенства того времени, при чемъ доказывалъ, что истинное благочестіе отнюдь не заключается въ умерщвлениі плоти, а въ нравственной чистотѣ души. Отдавая должное вниманіе человѣческой природѣ, Гейлеръ отрѣшался т. образ. отъ средневѣковаго аскетического идеала, признавая законность античнаго преклоненія предъ физическими качествами человѣческаго организма. При слабомъ развитіи въ то время публицистической литературы, проповѣди на соціальные темы служили мощнымъ орудіемъ въ рукахъ такихъ искреннихъ, убѣжденныхъ людей, какимъ былъ Гейлеръ ф. Кейзербергъ.

Въ самой близкой дружбѣ съ Гейлеромъ находился одинъ изъ видныхъ дѣятелей Тюбингенскаго Университета Габріель Биль, теологъ по специальности, но затрагивавшій въ своихъ произведеніяхъ и насущные экономические вопросы. Его воззрѣнія на цѣну товаровъ, на заработную плату, на денежное и монетное обращеніе заслуживаютъ вниманіе даже въ настоящее время. Извѣстный экономистъ Рожеръ въ статьѣ, посвя-

ищеної Габр. Билю съ большой похвалой отзываются объ этихъ возврѣніяхъ. Особенно энергично возставалъ Биль противъ порчи и фальсификациі монеты, что нерѣдко дѣлали князья въ фискальныхъ интересахъ. Биль обстоятельно разоблачилъ всѣ пагубныя экономическія послѣдствія подобныхъ мѣръ, отражающихся прежде всего на благосостояніи народной массы. Они также энергично осуждалъ право исключительной охоты, захватъ крестьянскихъ общинныхъ земель, угнетеніе народа податями и проч.

Мы не будемъ останавливаться на дѣятельности другихъ представителей ранняго нѣмецкаго гуманизма: приведенные имена и характеристики достаточны по моему мнѣнію, чтобы сдѣлать общее заключеніе объ отличительныхъ особенностяхъ этихъ дѣятелей. Общей чертой, отдѣляющей ихъ отъ представителей старого схоластического направленія и отъ позднѣйшихъ гуманистовъ, является непосредственное живое проникновеніе насущными вопросами времени въ томъ видѣ, какъ ихъ ставила національная жизнь Германіи. Не отрѣшаясь отъ старыхъ традицій католической церкви, признавая ея авторитеты, старшіе гуманисты не закрываютъ однако глазъ на злоупотребленія этой церкви; они искренне желали облагородить старыя церковныя учрежденія и поднять уровень умственного и нравственного развитія представителей церкви, а для этихъ цѣлей изученіе классической древности казалось имъ однѣмъ изъ лучшихъ средствъ. Ранніе нѣмецкіе гуманисты изучали древнихъ писателей не менѣе основательно, чѣмъ и позднѣйшіе, но главн. образ. въ интересахъ религіозно-нравственныхъ цѣлей, а не самихъ по себѣ, какъ это мы видимъ на занятіяхъ позднѣйшихъ гуманистовъ, находившихся подъ непосредственнымъ итальянскимъ вліяніемъ. Ранніе нѣмецкіе гуманисты желали очистить схоластическую ученость отъ того сухаго, мертвящаго формализма, которымъ была проникнута средневѣковая школа и средневѣковое образованіе. Увлеченіе классицизмомъ позднѣйшихъ гуманистовъ доходило до отрицанія и признанія чуть-ли не варварской своей мѣстной литературы и языка, тогда какъ ранніе гуманисты стоять болѣе на національной почвѣ, и тѣ писатели, которые отстаивали начала старинныхъ правовыхъ возврѣній нѣмецкаго народа и его учреж-

деній, по духу и направлению принадлежать къ школѣ этихъ раннихъ гуманистовъ. Какъ мы видѣли нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ дѣятелей касались и насущныхъ вопросовъ политического и соціально-экономического характера. Назрѣвшимъ по литическимъ вопросомъ Германіи того времени былъ вопросъ о ненормальныхъ отношеніяхъ имперскихъ князей къ императору, въ силу которыхъ народная масса, при отсутствіи сильной центральной власти, страдала отъ произвола мѣстнаго княжескаго абсолютизма, и вотъ такіе убѣжденные дѣятели, какъ Вимфelingъ, Гейлеръ, ф. Кейзерсбергъ, Габр. Биль, становятся на сторону угнетенныхъ, находя необходимымъ поднять императорскую власть для обузданія произвола и анархіи. Соціальная экономическая несправедливость, въ видѣ всякаго рода угнетеній податями, оброками, барщиной, фальсификацией монеты и проч.—все это вызывало живѣйшій протестъ и оппозицію у лучшихъ дѣятелей ранняго гуманизма. Для позднѣйшихъ гуманистовъ всѣ интересы сводились къ теоретической свободѣ мысли, и лишь немногіе изъ нихъ (напр. Ульр. ф. Гуттенъ) поднимали насущные жизненные вопросы, тогда какъ у раннихъ гуманистовъ отзывчивость на вопросы времени проявлялась шире и полно. Вотъ почему, когда началась Реформація въ Германіи, гуманистическое движение въ смыслѣ лишь одной свободы мысли и индивидуализма, въ смыслѣ теоретического интереса къ классической древности, отошло на задній планъ; большинство общества гораздо сильнѣе и живѣе интересовалось тѣми вопросами, которыхъ касались вышеупомянутые дѣятели ранняго нѣмецкаго гуманизма. Отдадимъ же поэтому должную справедливость этимъ именамъ, затмненнымъ корифеямъ позднѣйшаго гуманизма, признаемъ что эти полу-схоластики, полугуманисты оказали высокія заслуги и нѣмецкому просвѣщенію и насущнымъ интересамъ своей страны, своего народа!

20⁰⁰

ГЛАВНИЙШІЯ ПОСОБІЯ:

J. Janssen, Gesch. d. deutsch. Volkes seit dem Ausgang d. Mittelalters. I Bd. Freib. i. Br. 16 Aufl. 1892.

K. Hagen, Deuttschlands litterarische und. religiöse Verhaelt-nisse im Reformations Zeitalter. I. Bd. Erlang. 1841.

Kämmel, Gesch. des deutsch. Schulwesens im Uebergang vom Mittelalter zur Neuzeit. Lpz. 1882.

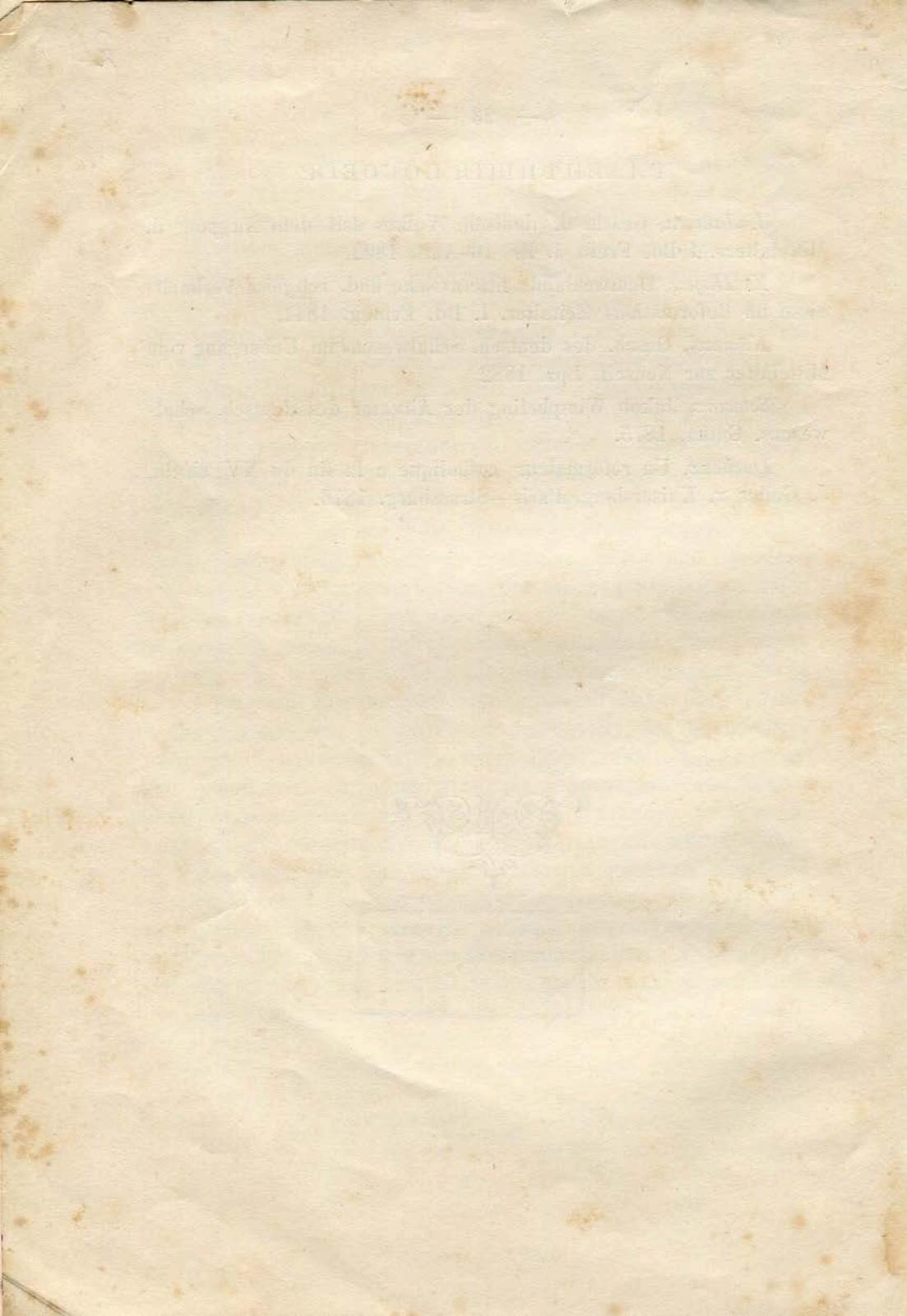
Schwarz, Jakob Wimpfeling der Altvater des deutsch. Schul-wesens. Gotha. 1875.

Dacheux, Un reformateur catholique a la fin du XV siècle, J. Geiler v. Kaisersberg. Paris—Strassburg. 1876.

Державна Публічна
БІБЛІОТЕКА УРСР

116.

15⁰⁰

НБ НПУ імені М.П. Драгоманова

200017987

7/11-12

0.35

B182428

3